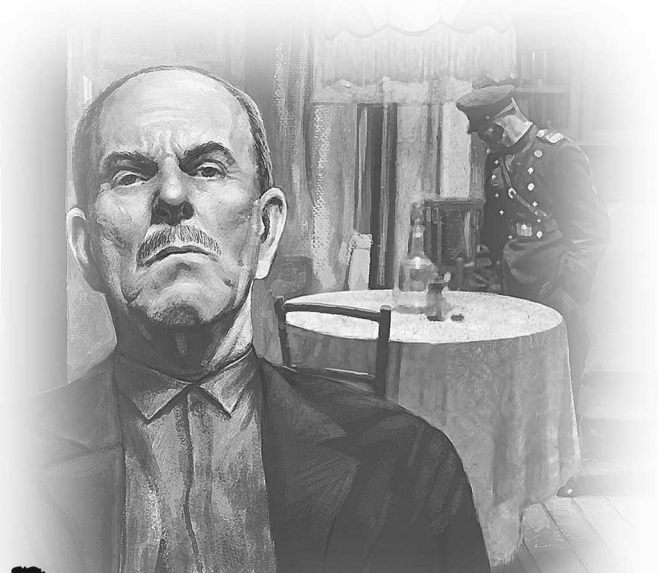

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45^{-го}**

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО ВОРА

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

В оформлении обложки использована работа
художника *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.

С91 Завещание старого вора / Евгений Су-
хов. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-158805-2

В конце войны в своей московской квартире зверски убит адвокат Глеб Серебряков. Квартира ограблена. Следователь МУРа Ефим Бережной уверен, что злоумышленники искали что-то конкретное: на теле адвоката остались следы пыток. Бандиты оставили на месте преступления свои «визитки» — два карточных туза. Точно такие же метки оставляла после себя особо опасная банда, которая грабила и убивала людей еще до войны. Бережной поднимает старые дела и устанавливает, что во время задержания тех, довоенных, налетчиков бесследно пропала часть драгоценностей, которые сыскари использовали в качестве наживки, и что Серебряков играл не последнюю роль в том деле. Что, если смерть адвоката — это отголосок той темной и запутанной истории?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-158805-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дело адвоката Серебрякова

ГЛАВА 1

Дурное предчувствие

13 июля 1944 года

Через маскировочные занавески в квартиру просачивался блеклый вечерний свет, погружающий ее в полумрак. Адвокат Глеб Серебряков сидел за письменным столом и потягивал из пузатой низенькой рюмки темно-коричневый душистый армянский коньяк двадцатипятилетней выдержки.

Жена его находилась в соседней комнате и слушала пластинку с чарующим, удивительно красивым голосом Варвары Паниной. Говорят, что сам Федор Шаляпин приходил послушать цыганку Варю. Ее голос с широким диапазоном бархатного низкого звучания буквально завораживал. Если его сравнивать с каким-то инструментом, то более всего он походил на виолончель, созданную талантливым итальянским мастером. Знающие люди утверждали, что у певицы была особая манера исполнения, сдержанная и в то же время невероятно сердечная.

Адвокат Глеб Сергеевич Серебряков невольно вслушался в колдовское звучание, доносившееся из приоткрытой двери. Ему вообще нравились женские певческие голоса, особенно те, которые звучали на

закате Российской империи. Они, вне всякого сомнения, входили в золотой музыкальный фонд.

В его обширной коллекции была представлена Надежда Плевицкая, одна из самых востребованных певиц начала двадцатого века. Слава ее была потрясающей. Сам Николай Второй называл ее «курским соловьем» и нередко приглашал на ужин во дворец. И было за что! Одна только «Лучинушка» в ее исполнении пробирала до дрожи. А русских народных песен в ее репертуаре насчитывалось десятки.

Но более всего адвокату Серебрякову нравилась Анастасия Дмитриевна Вяльцева. Ее уникальный по красоте голос просто не знал равных. Без всякого преувеличения можно было сказать, что в обществе ее боготворили. В течение короткого времени из простой статистки в балетной группе она превратилась в одну из самых известных и богатейших женщин Российской империи. Ее ранняя кончина воспринималась страной едва ли не как личное горе.

В зависимости от настроения Глеб Сергеевич слушал тех или иных исполнительниц. Когда он пребывал в хорошем расположении духа, ему более всего подходило пение Варвары Паниной. Если в душу закрадывалась меланхоличность, то наступало время Анастасии Вяльцевой, способной своим экспрессивным тембром ввести в самый настоящий транс. А уж если сердце разрывалось от минорных нот, то наступала очередь «Лучинушки» в исполнении несравненной Надежды Васильевны Плевицкой.

Сейчас душу его царапала скверна, и ему хотелось умерить нарастающее уныние именно ее пением, но жена, переодеваясь для выхода в Большой

театр, продолжала наслаждаться голосом Варвары Паниной, меняя одну пластинку на другую.

Глеб Серебряков был завзятым ценителем голосов начала двадцатого века. Он неустанно собирал пластинки, отдавал за них порой значительные суммы. Некоторые из этих приобретений были весьма редкостными, выпускались ограниченным числом и лишь для царской фамилии. Раритеты выменивались или покупались у таких же коллекционеров, как он сам. Иногда Серебряков отдавал за них нечто значимое из собственной коллекции. Так, например, за последнюю запись Изабеллы Кремер Глеб Сергеевич не пожалел трех пластинок Федора Шаляпина разных годов.

Бывало, что пополнить коллекцию ему помогал случай. Неделю назад он купил на Тишинском рынке граммофонные малотиражные пластинки Михаила Вавича «Грусть и тоска безысходная» и Юрия Морфесси «Маруся отравилась». Цена за них была чисто символической — две буханки хлеба и бутылка подсолнечного масла. Продавцом оказался старик лет семидесяти пяти, прекрасно разбиравшийся в музыке. Среди людского многоцветья, с вызывающей красной бабочкой на тощей шее, он казался декоративным цветком, правда изрядно увядшим.

Прежде чем отдать покупателю пластинки, старик успел рассказать ему немало интересного из жизни этих исполнителей. Оказалось, что Михаил Вавич, эмигрировавший в Америку, снимался в голливудских фильмах и умер в сорок девять лет от сердечного приступа прямо за рулем своего автомобиля. А Юрий Морфесси, осевший в Югосла-

вии, вступил там в артистическую бригаду Русского охранного корпуса, созданного белогвардейскими эмигрантами, служившими фашистам. Он ездил в Берлин и давал там концерты. Его пластинки до сих пор находились под запретом, так что старик здорово рисковал, продавая их в открытую на рынке.

Глеб Сергеевич допил коньяк, закурил сигарету, откинулся на спинку стула и пустил узкую быструю струйку дыма под хрустальную люстру. В какой-то момент он хотел попросить жену, чтобы она все-таки поставила Плевицкую, но тотчас передумал, решил, что не стоит досаждать ей минорными аккордами. Лариса пребывала в хорошем настроении, что следовало ценить, и испытывала приятное чувство от предстоящего посещения Большого театра. В этот раз там шла опера «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно.

Причиной скверного расположения духа Глеба Сергеевича стали некоторые неприятности на работе. Пошел уже седьмой год, как он служил адвокатом, причем вполне успешно. Серебряков обзавелся солидной клиентурой, заполучил материальный достаток, заслужил уважение. Но вот последние несколько месяцев обстоятельства складывались против него. Формально коллегия защитников являлась самостоятельным органом, но в действительности ее деятельность едва ли не всецело зависела от прокуратуры, которая беспрестанно вмешивалась в работу адвокатов.

Взять хотя бы два последних дела. Первое из них о краже в магазине. Казалось бы, рядовое преступление, каковые в Москве совершаются каждый день, но неожиданно по указу «О военном положении»

дело было передано на рассмотрение военного трибунала. Как выяснилось немного позже, подзащитный Глеба Сергеевича полгода назад совершил преступление против социалистической собственности: ограбил склад с продовольствием. Дело принимало весьма серьезный оборот, и повлиять на решение суда было невозможно.

Один из приятелей подзащитного подошел к нему сразу после заседания суда и, перекладывая языком папирозину из одного уголка рта в другой, выдал невыразительным и холодным тоном:

— Ты хрусты получил? Сумма хорошая? Доволен остался? Вот теперь и отработывай их!

Серебряков выдержал тяжеловатый взгляд вора и ответил столь же спокойно, хотя и осознавал, что ему не удастся укрыться от мщения даже за толстыми дверями собственной квартиры:

— В том, что произошло, он сам виноват. Я с ним довольно откровенно разговаривал. Мой подзащитный уверял меня в том, что за ним нет более страшного греха, чем кошелек с мелочью, украденный у старой бабки. Если бы я раньше узнал о том, что он склад с хлебом ограбил, то мог бы построить другую линию защиты.

Дело его клиента будет решаться в ближайшие часы безо всякой защиты. Если он отделается длительным сроком, то можно будет посчитать, что ему невероятно повезло.

— Мы могли бы добиваться защиты по требованию судов. Там свой порядок выделения адвокатов, в том числе по делам, рассматриваемым военными трибуналами, — горячо проговорил Серебряков.

— А сейчас нельзя, что ли? — спросил вор.

Он мог бы вытащить окурок изо рта и аккуратно откинуть его в сторону. Со стороны данного типа это выглядело бы весьма уважительно по отношению к собеседнику. Но уголовник намеренно сцедил его с губ, давая понять, что спрос с адвоката будет большой.

По спине Глеба Сергеевича пробежал неприятный холодок. Он выдержал паузу, давая понять, что ему не все нравится в этом разговоре. На губах блатного промелькнула едва заметная усмешка. Они понимали друг друга без слов, может быть, потому, что слеплены были из одного теста, вот только играли за разные команды.

— Вот что я тебе скажу. Я не умею бодаться с государственной машиной. Ты не хуже меня знаешь, что у судей всегда на руках главные козыри. Можно было бы попробовать сыграть против государства похитрее и потоньше. Но сейчас момент безнадежно упущен. Я, конечно, буду делать все, что от меня зависит, но обещать положительный результат не рискну, — проговорил Серебряков ледяным тоном.

За себя Глеб Сергеевич не беспокоился. Ему и не с такими вещами приходилось сталкиваться. Он знал, что уголовники его не тронут. Таков неписанный свод воровских правил. Но вот за жену Глеб Сергеевич переживал всерьез. Уголовники могли наказать ее из-за его несговорчивости.

На теперешнюю свою должность Глеб Серебряков попал не сразу. Сначала он отработал положенные три года в Московском уголовном розыске, а потом перешел в коллегия адвокатов. Уголовный